

барановъ). Группа людей, въ тринадцать человѣкъ, — г. Пржевальскій не имѣлъ предразсудка относительно „чортовой дюжины“, — должна была надолго впередъ разсчитать все, что могло быть ей необходимымъ, — она пускалась въ страны, гдѣ была совсѣмъ отрѣзана отъ послѣднихъ крайнихъ пунктовъ нашей азіатской границы и отъ всего цивилизованнаго міра, должна была приготовиться проходить безлюдныя и безводныя пустыни, переносить зной и холодъ, жажду и голодъ, встрѣчаться съ хищниками и врагами. Г. Пржевальскій рассказываетъ свое странствіе съ величайшей простотой — выступленіе каравана, переходы по горамъ и доламъ, встрѣчи съ туземцами, дружескія и враждебныя, столкновенія съ недоувѣрчивыми и недружелюбными властями, борьбу съ климатомъ, бурями и непогодами и т. д.; среди всего этого, экспедиція неизмѣнно ведетъ свой дневникъ, описываетъ мѣстность, собираетъ коллекціи, дѣлаетъ физическія и астрономическія наблюденія. Какъ мы замѣтили, все это рассказывается очень просто, иной разъ даже сухо, — но отдавши себѣ нѣкоторый отчетъ въ этой массѣ труда, предпринятаго по доброй волѣ, совершеннаго съ великой преданностью дѣлу, чувствуешь къ нему глубокое уваженіе.

„Завѣтной цѣли“ своего путешествія, священной столицы Тибета, Лхассы, г. Пржевальскій не достигъ и на этотъ разъ. Теперь это была уже четвертая попытка его пробраться въ городъ Далай-Ламы. Онъ былъ уже близокъ къ этой цѣли, но суевѣрная подозрительность и страхъ тибетцевъ и китайцевъ закрыли ему дальнѣйшій путь. Онъ могъ собрать о Лхассѣ нѣкоторыя свѣдѣнія только по распросамъ живавшихъ тамъ монголовъ. — Но и безъ того книга исполнена любопытнаго матеріала. Было бы долго указывать въ книгѣ г. Пржевальскаго интересные эпизоды этнографическіе — рассказы о характерѣ и бытѣ различныхъ мѣстныхъ племенъ, наблюденія надъ кочевыми народами Средней Азіи, соображенія объ ихъ культурной и исторической судьбѣ и т. д. Къ сожалѣнію, — которое и авторъ высказываетъ, — много мѣшало экспедиціи незнаніе мѣстныхъ языковъ, и постоянная необходимость говорить черезъ переводчиковъ.

Такія предпріятія, какъ многолѣтнія и все повторяемыя странствія г. Пржевальскаго въ Средней Азіи, могъ совершать только страстный путешественникъ. Такимъ и является авторъ въ послѣднихъ заключительныхъ словахъ своей книги: „Грустное, тоскливое чувство, — говоритъ г. Пржевальскій, — всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пусты-